

К 1914 году в Австро-Венгерской империи насчитывалось 4 миллиона этнических русских. В основном это были крестьяне.

28 июля 1914 г. черные силы начали Первую мировую войну в целях передела мира. Как только 1-го августа Россия вступила в эту войну, по всей Австро-Венгрии начались жестокие преследования русского населения. Людей хватили прямо на улицах и вешали на деревьях и столбах или расстреливали на месте без всяких судов и предъявления обвинений. Поощрялось доноительство, появились расценки за доносы, дешевле всего были крестьяне.

4 сентября того же года открылся самый трагически знаменитый концлагерь только для русских - Талергоф. Но он не был единственным. По самым скромным подсчетам через эти истребительные лагеря - первые в Европе - прошло более 100 тысяч ни в чем не повинных русских Галичины, Закарпатья и Буковины. Люди массово гибли от эпидемий, голода и мучений от надзирателей. Этноцид был запущен на полную мощность.

Но вот наступил 1917 год. Австро-Венгрия дышала на ладан. 7 мая 1917 года Карл I, император стремительно рувущейся в небытие империи, издал указ об освобождении всех заключенных австрийских лагерей: Талергофа, Терезина, Оберплабруна и др. Несчастные были отпущены домой. Император так объяснил свое решение: «Все арестованные русские не были виноваты, но были арестованы, чтобы не стать ими.» За передел мира требовалась оплата. Поделили... Оплатили...

Выжившие талергофцы задумали издать документальные сборники об этих истребительных лагерях, и в 1924 году во Львове вышел первый «Талергофский Альманах». Последний - в 1932 г.

Карпаторосс Петр Гардый, ставший миллионером в США, издал несколько редких книг о Карпатской Руси, в том числе все четыре «Талергофских Альманаха» с новыми материалами под названием «Военные преступления Габсбургской монархии 1914-1917 гг.» (1964). В частности, был включен «Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора на Галиции и Буковинской Руси в Первую мировую войну с биографическими данными (1954-1960), с дополнениями (1961-1970).» Список этот был составлен галицким адвокатом Романом Денисовичем Миновичем (1892-1971).

Рекомендуем также ознакомиться с документальным фильмом Алексея Денисова «Трагедия Галицкой Руси.»

Наталья ГАТТАС

АНДРЕЙКО Иван Антонович, р. 6/10 1888 г. в Тылице /Новый Санч/, студент-юрист, арестован 2/8 1914 г. жандармом Бацем по приказу уездного старосты Лося и помещён в Талергоф, откуда в 1915 г. переведён в гарнизонную тюрьму в Вене, где как участник второго венского процесса за государственную измену был приговорён венским дивизионным судом краевой обороны к смертной казни через повешение. Бал освобождён на основании амнистии императора Карла 1-го.

Стихи Ивана Андрейко

Талергоф!
-Талергоф! Сколько русского горя связано с этим именем,
Сколько тяжёлых воспоминаний пробуждается с этим словом!
-Талергоф! Сколько подлых зверств перенесли мы у тебя!
Сколько невинной русской крови поглотил ты в себе!
-Талергоф! Это наша русская Голгофа!
Талергоф будет вечным свидетелем бесчеловечия, жестокости и подлости и памятником варварства в XX столетии,
содеянного над галицко-русским народом.
Талергоф ныне - это наша святыня в которой лежат кости бесчисленных страдальцев-сынов Галицкой Руси.
Вы мученики-герои!
Наши друзья, наши братья,
Принесли себя в жертву
За великую русскую идею
и сложившие кости

ЗАБЫТЫЙ ЭТНОЦИД

Памяти невинно погибших и изувеченных карпатороссов

Там далеко от родной земли на бездушной жестокой чужбине, в сырой земле под печальными со снами,
Вы, избранныки народа!
будете вечно жить
в нашей памяти.

БОРЩЕВСКИЙ УЕЗД

С. Волковцы...

В зломатном 1914 г., в августе месяце, начались аресты русских людей в Борщевском уезде. Я был в то время по своим делам в уездном старосте, где один из знакомых чиновников показал мне телеграмму львовского наместничества, гласившую: «Арестовать всех русофилов, хотя бы только подозреваемых».

В виду скорого наступления русских войск австрийцы не успели арестовать всю интеллигенцию в уезде. Пострадали только священ. Курылович из Волковец и его семья, состоящая из жены, двух сыновей и зятя Богдана Драгомирецкого, кроме того, священ. Смольный из с. Пановец. Последний сумел оправдаться, и был отпущен на свободу.

Сильно потерпело крестьянство из Борщевского уезда. Было арестовано несколько десятков человек в с. Пановцы и Худиковцы. Арестованных отправили через Станислава на Венгрию. На пограничной ст. Лавочное бросились на наш эшелон «украинские січовики» с целью переклопот ненавистных «изменников», но благодаря энергии эскорта мы уцелели.

Для лучшего представления того безнравства, которое применялось австрийскими властями в Галичине, следует рассказать характерный пример. Именно в сентябре 1914 г. австрийский ландштурм и жандармы отступили за Днестр на Буковину, где обнял над нами командование жандармский офицер румын Трубой. Однажды привели к нему трёх людей из Коссова: крестьянина, еврея и некоего ресторатора, обвиняемых в измене.

Трубой без допроса и суда командовал повесить несчастных.

Подозреваемых расстреливали где попало, даже в поездах.

Приведу второй не менее ужасный случай, рассказанный моим братом, генерал-аудитором Курыловичем, членом военного трибунала в Вене.

Однажды, рассказывает брат, я нашёл в столе у себя в канцелярии обыкновенную карточку, писаную карандашом. Это был рапорт одного из моих подчинённых, в котором он сообщал, что, проезжая из Перемышля в Медику, застрелил в вагоне 2-го класса опасного русофила.

Расстрелянный был, конечно, русский галичанин.

М.Н.Курылович

РАСПРАВА...

(Сообщ. И.Н. Вовка)

После сражения у Красного австрийцы отступили за Львов на линию Городок-Яворов. Я стоял со взводом в деревне Подзамче, вблизи Городка. Два дня уже продолжался бой, и положение австрийцев становилось всё более критическим. На третий день, когда мы, пользуясь временным затишьем, отдыхали, привели к нам нескольких пленных русских солдат, а вместе с ними 60 местных крестьян и около 80 женщин и детей. Крестьяне оказались жителями сёл Цунева, Оттенгаузена и Подзамча.

Мне приказали конвоировать узников. По дороге я узнал от солдат-мадьяр, что арестованные ими крестьяне «руссофилы»...

Мне сделалось страшно, хотя я и не знал, какая судьба ожидает моих

единомышленников. По дороге подошёл к одному крестьянину, одноглазому старику с окровавленным от побоев лицом, какой-то еврей и со всего размаха ударил его в лицо. С негодованием я заступился за беззащитного крестьянина и оттолкнул еврея. В этом моём поступке мне пришлось впоследствии оправдываться перед моим начальством.

Наконец мы пришли на место, которое я буду помнить до конца моей жизни. Чистое поле, на котором вокруг одинакого дерева толпились солдаты. Тут же стояла группа офицеров. Насмешки и крики вроде «русские собаки, изменники», посыпались по адресу ожидавших своей участи крестьян.

Вид седых стариков, женщин с грудными детьми на руках и плачущих от страха, голода и усталости детей, цеплявшихся за одежду своих матерей, производил такое удручающее впечатление, что даже у одного из офицеров-немцев показались на глазах слёзы. Стоявший рядом лейтенант, заметив слёзы у товарища, спросил: «Что с тобой?» Тот ответил: «Ты думаешь, что эти люди виновны в чём-нибудь? Я уверен, что нет». Тогда лейтенант без малейшей заминки сказал: «Ведь это же руссофилы, а их следовало ещё до войны всех повешать».

Один из несчастных, парень лет 18-ти попробовал было бежать. Вдогонку послали ему пулю. Но его можно считать счастливым, потому что остальных ожидало ещё худшее.

Мужчин отделили от женщин и детей и выстроили в ряд вблизи деревьев. Женщин же и детей поставили в стороне под караулом. Я ожидал, что их будут судить. Но... несколько минут томительного ожидания — и началась казнь... Солдат-румын подводил одного крестьянина за другим к дереву, а второй солдат-мадьяр, добровольный палач, вешал. С жертвами обращались самым нечеловеческим образом. Закладывая петлю, палач бил их в подборок и в лицо. До сих пор я не в состоянии говорить об этой казни без содрогания. Достаточно будет сказать, что всех вешали одной и той же петлёй. По истечении пяти минут повешенного снимали и тут же по приказанию присутствующего врача прикалывали штыком.

Женщин и детей австрийцы ставляли быть свидетелями страшной смерти.

Крестьяне умирали спокойно. Трупы повешенных сложили в общую могилу и сравняли с землёй, чтобы от неё и следа не осталось.

После рассказанного события меня отправили с частью на Венгрию, где пришлось видеть подобные же картины на Угорской Руси. Напр. в селе Веречке Беригского комитета арестовано по доносу местного еврея 73 крестьян, а расправа обычная — петля.

(«Прик. Русь», 1914 г. №1442)

С. Тарнава. Из записок о. Г. А. Полянского.

7-го августа 1914 г. находился я с женой и внучкой в саду возле приходского дома, когда во дворе к нам заехала повозка с жандармом и четырьмя солдатами; через несколько минут после них явился также местный войт. Жандарм кратко заявил, что имеет поручение от уездного начальства произвести у меня тщательный обыск. Перерыв все ком-

наты, жандарм отобрал кипу разных писем и опечатав их приходской печатью, а затем отправился на чердак в поисках за дальнейшими уликами моей неблагонадежности. К великой моей радости он нашел на чердаке самодельный глобус грубой работы и велел солдату взять его в уездное староство как доказательство «шпионской» работы. Затем велел мне собираться я дорогу.

В Добромиле я был заключен в отдельную, довольно чистую камеру при местном суде. Вот где я очутился на 41-ом году служения церкви и народу. Имея чистую совесть и сознавая свою правоту, я был убежден, что причиной моего ареста явились мои взгляды на национальное единство русского народа и та культурная работа, которую я вел среди народа в продолжение своей жизни. Это успокаивало меня до некоторой степени, но с другой стороны, я сильно беспокоился за судьбу своих детей и внуков. Также беспокоила меня мысль, как подействует известие о моем аресте на моего отца, 95-летнего старика-священника, и что сделают власти с моими четырьмя братьями-священниками?

Утром я был вызван в канцелярию суда для свидания с приехавшей женой. Жена передала мне привезенную постель и белье и сообщила, что разлука наша будет, по всей вероятности, продолжительной, так как в мой приход приехал уже заместитель — в лице добромилского законоучителя, назначенного на мое место временным настоятелем прихода. Видно, знал епископ, что я буду арестован, и заблаговременно назначил на мой приход нового священника.

В добромилской тюрьме обращались с узниками по человечески. В частности мне было разрешено читать книги и газеты. В Добромиле просидел я неделю.

13 августа в камеру вошел надзиратель с тем же жандармом, который меня арестовал, и велел мне собираться для следования в Перемышль. На вокзал доставили меня в закрытой повозке во избежание издевательств со стороны уличной толпы. Жандарм сел рядом со мною, а на козлах прикомандован солдат с отнятым у меня глобусом в руках. Впоследствии уже рассказывали мне, что по городу ходила весть, будто бы я начертал на этом глобусе раздел Австрии.

В восемь часов вечера приехали мы в Перемышль. В канцелярии военной тюрьмы фельдфебель отнял у меня все вещи, имевшееся у меня в карманах. Ответил меня в камеру, где уже находилось больше двадцати человек, почти все знакомые. Находясь здесь несколько священников, знакомый адвокат из Свячка, студенты Клим и Грицык, помещик Товарницкий и др. И все время перемышльская военная тюрьма постепенно наполнялась все новыми заподозренными в государственной измене русскими людьми со всех концов Галичины.

Харчи были военные. Вначале трудно приходилось есть, ибо не было ни ложек, ни ножей, и лишь со временем мы приобрели на свои деньги семь ложек, а посредством цыгана-арестанта добыли несколько ножигов.

Немало удивился я, когда к нашей компании присоединили также нескольких украинофилов, напр. священ. Ив. Сорокевича из Уйкович «украинского» организатора из из Мостиск д-ра Д., который сам искренно недоумевал по этому поводу:

— Представьте себе, я председатель одиннадцати «украинских» обществ и организатор «Сечей» в Мостискском уезде — и меня дерзнули арестовать!...

Однако, через неделю его отпустили на свободу вместе с остальными, арестованными по недоразумению, украинофилами.

Наконец я дождался допроса перед военным судьей. Трижды вызывали меня туда, предъявляя мне самые нелепые обвинения. Все вопросы военного аудитора сводились к тому — «руссофил» ли я? А как доказательство этого ставилось мне в вину то, что я состоял членом многих

русских просветительных и экономических обществ во Львове. Также и злополучный глобус являлся веским доказательством моей виновности, хотя я и разъярил судьё, что он сделан мною для лучшего и наглядного объяснения истории ветхого завета своим прихожанам. Впрочем, в конце концов судья, по-видимому, убедился в моей невинности, ибо, когда впоследствии последовали на меня доносы со стороны двух моих прихожан, а затем еще донос со стороны некоего Ивашкевича, сидевшего вместе с нами в тюрьме, он не придавал этим доносам большого значения и после краткого допроса меня, и свидетелей о. Максимовича и г. Товарницкого, оставил меня уже в покое. Тем не менее донос Ивашкевича явился причиной моего заключения в одиночной камере. В частности он, чтобы заслужить признательность властей и добиться скорейшего освобождения, обвинял меня в получении от русского правительства «рублей», а также в том, что я под предлогом поездки к моей сестре в г. Красновост в России имел подозрительные сношения с русскими военными властями.

Одиночная камера, в которую я был теперь переведен, была куда удобнее комнаты №25. В ней находились: кровать, стол, скамейка и стул, а главное, не было клопов. Проводил я время в чтении, а также в составлении записок, которые я писал обгоревшей спичкой и разжиженным шоколадом.

В военной тюрьме в Перемышле просидел я в общем 5 недель, в том числе 3 недели в одиночном заключении. Четыре недели караулили нас солдаты, после чего их сменили львовские городовые...

За две недели до моего отъезда из Перемышля образовался у меня на ноге нарыв, в виду чего меня отправили к тюремному врачу, а тот перевел меня в военный госпиталь для операции. Однако, дежурный военный врач, злобно смерив меня глазами, крикнул:

— Что? Попа, предателя, шпиона лечить? Ни за что в свете! У меня довольно работы с ранеными воинами-патружками. Убирайся вон! — И только на следующий день я получил медицинскую помощь в другом, частном лазарете саперов.

После этого оставаться в тюрьме пришлось мне уже недолго - 17-го сентября во время обеда, забили тревогу. Были настежь открыты все камеры, и политическим арестантам, было приказано скорее собираться к выезду из Перемышля. В тюрьме возникло небывалое движение. Во дворе стали строиться: во главе духовенство, затем мирская интеллигенция, студенты, крестьяне, а в конце эшелона — женщины-арестантки. Всех нас было свыше восьмисот человек. Между рядами стал бегать незнакомый фельдфебель, нанося направо и налево удары по чем попало. Я отделался легкой пощечиной. Увидев перед собой священников Куновского, Семенова и Крушинского, бешеный фельдфебель набросился на них. Тогда из канцелярии выбежал офицер и запретил фельдфебелю бить нас. Побои прекратились, но зато усилилась отборнейшая брань. Тут уже все тюремные сторожа дали волю своему австрийскому «патриотизму»...

После проверки мы подошли под конвоем к готовому уже поезду. Я и священники Н. Миланич, Е. Гомза, О. Сапрун, Р. Крушинский, М. Раставецкий, и др. вошли в товарный вагон. В общем поместилось нас вместе 35 человек, а на свободном месте посередине вагона разместились пять караульных солдат-крестьян из Зборовского уезда; это были славные и добрые люди, но убежденно — наши единомышленники, всячески нам помогавшие... Выехав из Перемышля, мы увидели вокруг города свежие окопы и военный укрепления, из чего мы заключали, что русские войска находятся недалеко...

Куда нас везли — мы не знали, — и только далеко уже за Перемышлем узнали от караульных солдат, что нас отправляют в какой-то неизвестный, далекий Талергоф...

Свящ. Генрих Полянский

